

*Бредет и скрипит по дороге
Солдат об одном сапоге.
Скрипят деревянные боги
В его деревянной ноге.*

Юрий Кузнецов

У Юрия Кузнецова есть стихотворение «Деревянные боги», датированное 9 мая 2003 года. По историко-литературным приметам этот текст перекликается с иными вещами автора: во-первых, посвященными военной теме, роковой, страшной для русского человека; во-вторых, тематически он сопряжен с последним периодом творчества поэта, когда взаимоотношения древнего русского бытия и православия вступили в его стихотворных сюжетах в напряженный диалог.

Русский человек в поэзии Кузнецова по существу является образом всего народа. Об этом уже говорилось не раз, однако многие качества главных героев стихотворений словно бы и не расширялись до категории народа даже при внимательном прочтении авторских строк. Опасение быть поверхностным в этом вопросе вполне резонно, однако одновременно исследователь тем самым ограничивает круг своих наблюдений над поэтическим текстом локальными характеристиками, тогда как поэта занимали вопросы фундаментальные, проясняющие черты русского бытия, русского менталитета, русского обыкновения и характера русского человека.

В «Деревянных богах» перед читателем возникают обозначенные легкими штрихами черты Большой войны и солдата-защитника Отчизны; древней веры и европейского христианства, во многом пребывающего на русской почве в виде буквы церковного учения; растерянного народа, который после великого испытания вновь стал населением; наконец, мистической Дороги – по ней бредет одноногий воин вслед за невидимыми старыми Учителями, отринутыми в прежнее, уже давнее время.

Нужно сказать, что поэзия Юрия Кузнецова беспощадна к читателю: здесь не обходятся острые углы, в повседневности заботливо задрапированные массой оговорок – противоречия являют себя так, что, кажется, снять их и прийти к разумному соединению взаимно спорящих сторон русской жизни совершенно невозможно. Однако поэт совсем не стремился к столкновению противоположностей, он видел себя наследником прошедших эпох, которому необходимо правильно распорядиться «бытийным имуществом», чтобы в духовном отношении построить завтрашний день прочно и в согласии с главным содержанием минувшего времени.

Обратимся к событиям и персонажам стихотворения «Деревянные боги».

По старой разбитой дороге бредет солдат с деревянной ногой. Впереди идут странные и непостижимые деревянные боги, издающие загадочный скрип, отзывающийся в самодельном протезе путника.

*Солдат потерял свою ногу
В бою среди белого дня.
И вырубил новую ногу
Из старого темного пня.*

Скрипучие «вздохи труху по дороге метут», и встречный народ в страхе разбегается. Деревянные боги идут «в неведомый темный конец» из старого «темного дня». Наконец они «прошли на великий покой», навсегда отделив себя от солдата и «народа». На дороге остался только одноногий странник.

В этом контексте все смысловые детали имеют расширительное значение. К примеру, солдат, потомок народа, отказавшегося от старых богов, вдруг потерял телесную гармонию и утратил способность передвигаться, преодолевать трудный путь. И вот в помощь ему дается «новая нога», изготовленная в мифологическом пространстве и времени из старого деревянного идола – так христианское вероучение называет богов языческого пантеона.

Над этим сюжетным поворотом витает семантическая дымка: тело христианина – его храм; православный воин защищал родную землю, и тело после боя стало ущербным; помочь солдату смог только пень, из которого когда-то было вырублено изображение языческого бога; теперь солдат может с трудом идти, опираясь на деревянную ногу, подаренную ему древним божеством. И так, медленно преодолевая разбитую в веках дорогу, он движется вперед, попеременно ступая на уже искусственную «языческую» и на оставшуюся живой «христианскую» ногу.

Конечно, подобный, во многом одномерный интеллектуальный ракурс весьма уязвим. Он не может выступать в качестве главной художественной фиксации смыслов и положений в стихотворении. Однако перед нами – несомненный ответ русского бытия, в образном виде он содержится в этом мифологическом сюжете Юрия Кузнецова.

Обратим внимание на восприятие солдатом происходящего:

- он не видит деревянных богов;
- он не видит России, христианской, православной страны;
- «он слушает скрипы пространства»;
- «он слушает скрипы веков».

Солдат «потерял свою ногу в бою», «вырубил новую ногу <...> из пня» и теперь бредет «по старой разбитой дороге». Если посмотреть на действия героя, раскрывая их значение в реальном смысловом поле, то перед нами предстанут жестокий бой, горький мирный труд и лишения, путь к неведомой цели.

Вместе с тем сама дорога здесь кажется пунктиром исторического движения европейской цивилизации, чье христианство «голодным огнем» сожгло старых богов родной земли. Кроме того, Великая война случилась в самом центре христианского мира – в поэтических координатах «белого дня».

Мучительные шаги почти вслепую по разбитому пути все еще связаны с ощущением присутствия деревянных богов, которые тоже перемещаются в этом направлении. Их движение – определено вынужденное, но они, кажется, подсказывают солдату, как идти: так проводник ведет странника по болоту, указывая кочки и топь. Но очень скоро деревянные боги удалятся «на великий покой». Истекает время их присутствия в русском пространстве – теперь уже окончательно, бесповоротно...

Примечательно, что солдат в сюжете оказывается тонким образом русского народа, а сам «народ» превращается в население, забывшее о собственных корнях – и родовых, и православных. Очевидно, «солдат» – главная характеристика русского человека, отодвигающая любые другие его приметы и качества в стихотворении Юрия Кузнецова.

И вот в эпоху христианства защитник отчего края бессознательно обращается к древнему родовому укладу. Еще вчера на поле сражения добра и зла он пролил собственную кровь, принеся эту жертву самоотверженно и безоглядно, готовый по-евангельски «положить живот за други своя».

Теперь же солдат прислушивается к давним векам, не собираясь отказываться от горького настоящего. Он являет собой фигуру, по внутреннему душевному устройению близкую нам *сейчас* и одновременно – фигуру *древнюю*, соединенную с «нервной системой» старой Руси, где природа, человек и семья составляли одно целое.

Между тем деревянная нога, когда-то бывшая сакральной частью природного окоема, помогает солдату, но не приживается к его «христианскому телу». Эта позиция в стихотворении исключительно важна: деревянные боги опекают православного воина на русской земле, однако не становятся вновь частью его естества. Они могут быть в очередной раз отринуты – так в суеверном ужасе бросается прочь встречный люд, увидев хромого путника и слышав ни на что не похожий скрип. Но древние божества не исчезнут бесследно, не превратятся в прах и пепел, даже если сжечь их древесные изображения.

В стихотворении мы слышим не только сдержанный голос автора, но и некий гул христианской цивилизации – раздраженный и досадливый. Он прорывает ткань балладного повествования и, не принимая возражений, комментирует русское прошлое и *неправильно* воплощенное русское настоящее:

*Мы раньше молились не Богу,
А пню среди темного дня.*

.....

*Идут деревянные боги.
Когда же пройдут наконец?..*

Но вот по сюжету они «прошли»: прошествовали, исчезли, отошло их время, утрачено их понимание, растворилась связь русского человека с окружающей природой. Одноногий солдат остался в нынешнем пространстве-времени, когда православная мистика во многом отодвинута церковной буквой. А сама эта буква, к сожалению, часто становится лишь сухой формой, теряя великое нравственное содержание подвига Спасителя.

Как же чувствует себя одинокий увечный герой на изъезженном и искоженном тракте:

– странник остался на дороге в полном одиночестве – реальном и мистическом, ему не слышен голос небес (хотя в данном сюжете он не звучит вовсе);

– солдат, возможно, уже и не идет по дороге, а застыл на ней – динамика событий в стихотворении останавливает наш внутренний взгляд именно на такой картине;

– эта дорога внезапно стала непонятной – куда она ведет и зачем по ней идти;

– у солдата теперь есть только личная судьба – в отрыве от земного существования она неизъяснимо и тайно устремлена к Христу, что пока еще непонятно и самому путнику;

– все земное для солдата становится чужим и холодным, единство земли и неба окончательно расщеплено на две взаимно враждебные части.

Ассоциативно здесь прочитывается состояние русской души на исходе последнего тысячелетия. Для Юрия Кузнецова проблема органичного присутствия русского человека на своей земле и под своим небом – физическим и духовным – была самой важной. Он старался обозначить её приметы и главные нервные точки средствами поэтического мифа, когда все самое существенное автор читателю показывает, а не называет.

В «Деревянных богах» неявно присутствует мысль о «недостаточности» христианства для органического русского человека, лишённого исторических корней, в том числе и в результате крещения. У других европейских народов подобного провала исторической и духовной памяти не найти. Вот почему русский так одинок в этом мире: прежде он был вписан в контекст природы, а теперь существует рядом с ней. И даже наперекор ей, полагая себя земным владыкой – в действительности ущербным, глухим и незрячим.

Перед нами вовсе не православные признаки богооставленности – уныние, маловерие. Но отчетливые черты «*природооставленности*» – отсутствие опоры на земной распорядок, который ныне оторван от русской души и закреплён в статусе враждебного, чужого. Нет уверенности в привычном и простом, способности воспринимать зверье и растения породственному, входить во времена года с интуитивным крестьянским и охотничьим чувством окружающих перемен. Вот почему телесная жизнь русского человека оказывается во многом рассеянной, лишённой своего естественного начала.

Стихотворение по существу является трагедией: победитель в Великой войне за отчий край не находит внятного языка, который позволил бы ему общаться с родной землей. Солдат улавливает только малопонятные «скрипы», и для него это единственный способ услышать голос почвы. Подобная безъязыкость русского человека гнетет автора, рисующего в финале картину почти космического одиночества главного героя.

Юрий Кузнецов в центре стихотворения «Деревянные боги» наметил абрис европейской цивилизации, христианства буквы, а не дыхания. Тогда как живой фигуре Спасителя уделит огромное внимание в своих последних поэмах и стихах. Он старался не сводить в духовном сражении старую русскую веру и православие, но как мудрый художник и наследник всех эпох отечественной истории пытался восстановить в русском сердце разорванные страницы древности. Не разделять и доводить до чистоты, но понимать и беречь достигнутое, видя в этом единственный путь русского самопознания.